

УНИВЕРСАЛИЗМ БИБЛЕЙСКОЙ КНИЖНОСТИ: ДРЕВНЕЕВРЕЙСКИЙ ЯЗЫК В СРЕДЕ УЧЕНЫХ И ПЕРЕВОДЧИКОВ В РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ В XVI В.

Эпоха Возрождения, по свидетельству многих ученых [1, с. 73; 2], пробудила интерес не только к греческой и римской культуре и латинскому и греческому языкам, но и к древнееврейскому оригиналу Библии. Это подготовило и последующий интерес представителей Реформации к оригинальным библейским текстам.

Об интересе к еврейской книжности в среде христианских ученых в эту эпоху сообщает и Бернетт, называя - среди крупных академических христианских гебраистических центров, в частности, Кенигсберг (Крулевец) [2]. Он также сообщает о значительном увеличении количества выпускаемых ежегодно грамматик древнееврейского языка для начинающих в Европе [2, р. 45]: начиная с 1511 г. до 1660 г. каждое десятилетие приносило в среднем около 30 новых грамматик. Можно предположить, что хотя бы незначительная их часть могла попадать из Западной Европы в Центральную и Восточную, развивая и поддерживая таким образом интерес к древнееврейскому языку и в этом регионе.

Сведения, которыми мы располагаем относительно знания древнееврейского языка в среде славянских переводчиков Библии в XVI в., не очень значительны и исходят в основном из трех источников. Прежде всего, это высказывания самих переводчиков, содержащиеся в предисловиях к печатным изданиям Библии и в маргинальном комментарии. Кроме того, это данные, которые можно извлечь из отдельных особенностей перевода, и, наконец, специальные исторические исследования о еврейско-славянских культурных и языковых контактах в данный период.

Данные, которые можно почерпнуть из предисловий и заглавий переводных изданий, достаточно скудны и не всегда надежны. Так, во всех польских переводах данного периода в качестве одного из источников перевода традиционно указывается древнееврейский текст. Тем не менее, в самом переводном тексте мы не всегда находим отражение последовательной работы переводчика с древнееврейским оригиналом. На целый ряд ошибок и неточностей, связанных с безусловным предпочтением Вульгаты древнееврейскому оригиналу переводчиками Брестской Библии, указывает Симон Будный в предисловии к своему переводу.

Только в издании самого Симона Будного можно отметить ряд последовательных указаний на то, что переводчик не только работал с древнееврейским текстом, но и использовал его в качестве основного оригинала. Франциск Скорина и Иван Федоров в своих изданиях не указывают напрямую на то, что пользовались древнееврейским текстом, за исключением общепринятой формулировки в подзаголовке к изданию Скорины, которая будет анализироваться далее.

Вопрос о свидетельствах самого текста перевода об обращении переводчика к древнееврейскому оригиналу остается, за незначительным исключением [3], открытым. Его можно считать частично исследованным только в отношении издания Симона Будного, причем в той мере, в какой ограниченный доступ к тексту позволил М. Альтбауэру прийти к ряду научно обоснованных выводов.

Несколько более обширные сведения можно почерпнуть из исторических исследований, посвященных распространенности знания древнееврейского языка в среде католического духовенства и представителей протестантского лагеря в XVI в.

Роберт Каськов в своей работе «Интерес к древнееврейскому языку в XVI веке в Польше» указывает, что знание древнееврейского языка неевреями в Польше XV в. было явлением достаточно редким, но, тем не менее, оставившим о себе ряд документальных свидетельств [4, s. 41]. В качестве доказательств он приводит, среди прочего, сведения о транслитерированной древнееврейским алфавитом авторской подписи Давида из Мижиньца на рукописи «Разговора Магистра Поликарпа со Смертью» и свидетельства современников, характеризующие Михала из Велюня как знатока древнееврейского и древнегреческого языков.

Появление первых гебраистов в Польше Р. Каськов относит к началу XVI в. [4, s. 42] - эпохе активного интереса к классической филологии, и в качестве первого знатока древнееврейского языка упоминает Вацлава Колера из города Еленя-Гура. Единственным свидетельством его интереса к древнееврейскому языку является перечень книг из его библиотеки. Р. Каськов отмечает, что достаточно долго как в изучении древнееврейского, так и в изучении древнегреческого языков католическая элита усматривала опасность распространения ересей и нарушения единства западноевропейского христианского пространства [4, s. 42]. Несмотря на это уже в 1528 г. крещеный еврей Леонард Давид начинает проведение занятий по древнееврейскому языку в стенах Краковской академии по поручению и за счет средств епископа Томицкого. В 1530 г. в типографии Мацея Шарфенберга выходит «Elementale hebraicum» Филиппа Новениана.

Р. Каськов также указывает, что Леонард Давид составил и издал собственную грамматику древнееврейского языка, не сохранившуюся до наших дней, но получившую восторженные отзывы современников [4, с. 42]. В дальнейшем дисциплины гебраистического цикла в Краковской академии преподавали Ян ван дер Кампен и выпускник Сорбонны Валериан Пернус. Начиная с 1537 г., преподавание древнееврейского языка в стенах Краковской академии прекращается в связи с отсутствием финансовой поддержки, которую ранее оказывал епископ Томицкий [4, с. 43].

Книжный магазин Мацея Шарфенберга в 1547 г. располагал значительным ассортиментом учебников древнееврейского языка [4, с. 44]. В 1548 г. типография Яна Гелича выпускает грамматику древнееврейского языка Франциска Станкара из Мантуи, а в следующем году епископ Мацеёвский поручает ему кафедру гебраистики. Однако вскоре Станкара обвиняют в ереси и заключают в замок в Липовце.

Следующим этапом развития интереса к древнееврейскому языку становится период Реформации, поставивший во главу угла обращение к источнику веры - Священному Писанию, в том числе в оригинале. Р. Каськов вслед за польскими исследователями отмечает ряд польских протестантских ученых, получивших, по его мнению, образование в Германии или Швейцарии. «Самым выдающимся» польским гебраистом эпохи Р. Каськов называет Симона Будного. Он указывает на связь между известным нам переводчиком т. наз. Несвижской Библии и неким «Simon Alberti de Budy, dioc. Polocensis», поступившим в 1544 г. на обучение в Краковскую Академию. После синода в Скушине в 1567 г., на котором все существующие в то время переводы Священного Писания подверглись критике, Будный начинает работу над новым переводом, в предисловии к которому, среди прочего, выразит недюжинный пиетет перед древнееврейским языком, признавая, что без знания этого языка невозможно осуществить верный перевод Библии [4, с. 45].

В своей работе Р. Каськов подтверждает примерами из филологического комментария Симона Будного тот факт, что ему была известна не только принятая при академическом изучении древнееврейского языка сефардская традиция чтения древнееврейского текста, но и ашкеназская, практикуемая немецкими и польскими евреями. Несмотря на то, что для Р. Каськова этот факт служит подтверждением того, что Будный был каким-то образом связан с польской еврейской общиной и, вероятно, мог слушать чтение Танаха в синагоге, представляется, что это слишком далекоидущие выводы.

Против такой возможности свидетельствуют, по меньшей мере, два факта, один из которых приводится и самим Р. Касковым далее в статье [4, s. 58]. Во-первых, в дальнейшем сам Будный отрицал свои связи с иудеями или группами «жидовствующих», а во-вторых, есть другое указываемое самим Будным объяснение знакомства переводчика с ашкеназской традицией: это тот молодой помощник, знающий древнееврейский язык, о котором Будный пишет в предисловии. Отметим, что в отношении источника следов знакомства с ашкеназской традицией литургического чтения перевод Симона Будного находится на стадии значительно более полной исследованности, чем издание одного из его предшественников в регионе Франциска Скорины. Насколько нам известно, пока не было предложено удовлетворительного научного объяснения тем несколькими ашкеназским чтениям, которые мы находим в его переводе.

Во второй половине XVI в. активный интерес к древнееврейскому языку и интеграции его как дисциплины в теологическую практику начинают проявлять иезуиты [4, s. 49]. Древнееврейский язык упоминается в качестве одной из дисциплин, преподаваемых в Виленском коллегиуме (1570). Как отмечает Р. Касков, фактически преподавание древнееврейского языка начинается в этом коллегиуме в 1572 г. До 1576 г. занятия вел Михал Толмайнер, а в 1578 г., с преобразованием коллегиума в Виленскую академию и открытием теологического отделения, занятия начинает вести сам ректор Якуб Вуек.

Из перечисленных выше преподавателей древнееврейского языка из лагеря иезуитов наиболее значительными оказались труды Якуба Вуека. Его перевод Библии, вышедший из печати в 1599 г., хотя и основан на тексте Вульгаты, во многих местах снабжен филологическим комментарием, отсылающим читателя к древнееврейскому тексту, что подтверждает знание Вуеком древнееврейского языка. В своем комментарии Якуб Вуек не раз упоминает также издание, которое, по мнению Р. Каскова, могло стать основным источником знаний Вуека-переводчика о дословном содержании древнееврейского оригинала, а именно перевод доминиканина Сантеса Паньина на латинский язык. Его перевод, вышедший в Лионе в 1527 г., был отредактирован Ариасом Монтаной и напечатан в Антверпской Полиглотте (1569-1572). Именно это издание могло быть известно как Вуеку, так и Симону Будному [3], и могло послужить для них дополнительным источником сведений о дословном содержании доевнееврейского текста в случаях, когда их знание древнееврейского языка было недостаточным.

Несмотря на то, что ряд работ [5; 6] предоставляет в наше распоряжение многочисленные и разнообразные факты из жизни евреев на Руси в средние века, авторы работы «The Slavonic Book of Esther: When, Where, and from What Language Was It Translated?» М. Альтбауэр и М. Таубе подвергают серьезному сомнению возможность того, что древнерусские книжники XV в. (датировка по самой ранней из исследуемых ими славянских рукописей Книги Есфирь) могли в совершенстве владеть древнееврейским языком [7, p. 306]. Авторы вступают в принципиальный спор по этому вопросу с Н.А. Мещерским [8], приводя убедительные доказательства того, что языковых свидетельств подобного знания нет.

В контексте эпохи достаточно убедительно звучат и обвинения в адрес Франциска Скорины в «еврейской ереси» из письма князя Курбского, упоминаемые рядом исследователей [9].

С. Шуппа сообщает, что, вероятно, между августом и декабрем 1518 г. Франциск Скорина «в Праге вступил в контакт с иудейскими кругами» [1, с. 71]. Одновременно исследователь упоминает факт основания в Праге в 1518 г. первой еврейской типографии в Центральной и Восточной Европе. В 1514 г. в деятельности типографии начал принимать участие Гершон бен-Шломо ха-Козн, ставший начинателем знаменитой династии Гершонидов. В 1518 г. эта типография выпустила Пятикнижие Моисеево, которое, по мнению С. Шупы, могло стать поводом для знакомства Франциска Скорины с коллегами из еврейской типографии, в также источником его знаний при подготовке перевода Библии. Кроме того, С. Шупа высказывает предположение, что именно к сотрудникам этой типографии Скорина мог обращаться за помощью «в вопросах древнееврейского языка и библейской текстологии».

С. Шуппа высказывает обоснованное сомнение в том, что сам Скорина владел древнееврейским языком, поскольку в этом случае не совсем понятна природа ошибок и неточностей, допущенных в его издании при передаче ряда гебраизмов [1, с. 72]. В связи с этим С. Шупа полагает, что при подготовке к изданию данных фрагментов текста Скорина по каким-то причинам не мог обратиться к помощи профессионалов - своих еврейских консультантов.

В целом историко-культурная обстановка, сложившаяся в нашем регионе в XVI в., побуждала переводчиков и редакторов не только к знакомству с древнееврейским оригиналом библейских текстов, но зачастую и к имитации их отдельных стилистических черт.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шупа, С. Гэбрайсця элементы у праскіх выданнях Франціска Скарыны / С. Шупа // Затсы Беларускага інстытуту навукі й мастацтва. - New York, 1994. - С. 68 -75.
2. Burnett, S. Christian Hebraism in the Reformation Era (1500 - 1660): Authors, Books, and the Transmission of Jewish Learning / S Burnett - Leiden - Boston, 2012. - 344 p.
3. Altbauer, M. O technice przekładowej Szymona Budnego / M. Altbauer // Studia J^azykozawcze poswi^cone St. Rospondowi. - Wroclaw, 1966. - S. 85 - 96.
4. Kasków, R. Zainteresowanie j^zykiem hebrajskim w XVI wieku w Polsce / R. Kasków // Z historii ludności żydowskiej w Polsce i na SI^sku, red. Krystyn Matwijowski. - Wroclaw, 1994. - S. 41-54.
5. Архипов, А. По ту сторону Самбатіона. Этюды о русско-еврейских культурных, языковых и литературных контактах в X - XVI веках / А. Архипов // Monuments of Early Russian Literature 9. - Oakland: Berkley Slavic Specialties, 1995,- С. 17-55.
6. Birnbaum, H. On Some Evidence of Jewish Life and Anti-Jewish Sentiments in Medieval Russia / H. Birnbaum // Viator 4. - 1973. - P. 225 - 255.
7. Altbauer, M., Taube, M. The Slavonic Book of Esther: When, Where, and from What Language Was It Translated? / M. Altbauer // Harvard Ukrainian Studies. Volume VIII, Number 3/4, Dec. - 1984. - P. 304 - 320.
8. Мещерский, Н.А. О синтаксисе древних славяно-русских переводных произведений / Н.А. Мещерский // Теория и практика перевода; под ред. проф. Б.А. Ларина. - Ленинград: ЛГУ, 1962. - С. 47 - 62.
9. Thomson, F. The Slavonic Translation of the Old Testament / F. Thomson // The Interpretation of the Bible: the International Symposium in Slovenia / ed. Jozе Krasovec (Journal for the Study of the Old Testament, Supplement Series 289). - Scheffield Press, 1998. - P. 605 - 920.